

РОДЬКИНА Наталья Львовна,
Старший преподаватель кафедры КБ-12
«Правовое обеспечение национальной
безопасности», Институт кибербезопасности
и цифровых технологий, МИРЭА-Российский
технологический университет, Москва,
e-mail: Stepanova13kb@mail.ru

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МЕТОДЫ РАЗРЕШЕНИЯ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматривается ряд проблем правового регулирования института альтернативного разрешения споров (АРС) в сфере семейного права, исследуется специфика применения примирительных процедур в семейных конфликтах, проблеме обеспечения интересов ребенка, балансу сил сторон и недопустимости применения АРС в случаях домашнего насилия, а также, обосновывается необходимость создания специализированного института семейных медиаторов и введения элементов обязательного досудебного урегулирования споров.

Ключевые слова: альтернативное разрешение споров, медиация, семейное право, примирительные процедуры, наилучшее обеспечение интересов ребенка, коллаборативная практика, домашнее насилие, восстановительный подход.

RODKINA Natalia Lvovna,
Lecturer at the KB-12 "Legal Support of National
Security" Department of the Institute of Cybersecurity
and Digital Technologies RTU MIREA

ALTERNATIVE METHODS OF RESOLVING FAMILY LAW DISPUTES: CURRENT TRENDS, PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. The article examines a number of issues related to the legal regulation of the institution of alternative dispute resolution in the field of family law, explores the specifics of applying conciliation procedures in family conflicts, the problem of ensuring the interests of the child, the balance of power between the parties, and the inadmissibility of using in cases of domestic violence. The article also substantiates the need to create a specialized institution of family mediators and introduce elements of mandatory pre-trial dispute settlement.

Key words: alternative dispute resolution, mediation, family law, conciliation procedures, best interests of the child, collaborative practice, domestic violence, restorative approach.

Неизбежная трансформация института семьи в современном обществе нередко сопровождается ростом числа внутрисемейных конфликтов, требующих юридического вмешательства. Состязательная модель судебного разбирательства, определяющая, своего рода, «победителя спора» и «проигравшего в споре», в ряде случаев, оказывается деструктивной для семейных правоотношений, особенно когда речь идет о необходимости сохранения коммуникации между супругами после расторжения брака. В связи с этим альтернативное разрешение споров (АРС)

выступает не только как способ разгрузки судебной системы, но и как самостоятельная целостная категория, направленная на минимизацию психологической травмы бывших супругов и защиту прав несовершеннолетних.

Неоспоримо, что семейно-правовые споры имеют основой особый предмет, уникальную правовую природу. Так, в отличие, в частности, от гражданско-правовых конфликтов, где преобладает имущественный интерес, в семейном праве тесно переплетаются эмоциональные, психологические и моральные факторы. Нельзя не согла-

ситься с Т.В. Сахновой, которая, в своей работе «Курс гражданского процесса: теоретические основы и базовые институты» обращает внимание на то, что семейный спор «всегда выходит за рамки чисто правового регулирования, затрагивая сферу личных неимущественных отношений и моральных обязательств» [9].

Семейный конфликт, в отличие от любого коммерческого спора, характеризуется высокой эмоциональной напряженностью, вызванной наличием длительных психотравмирующих отношений, отсутствием у участников конфликта к поиску компромисса, а зачастую, напротив, желание «отомстить» бывшему супругу либо супруге любым доступным способом, наличие долгосрочных связей между сторонами и уязвимостью отдельных участников. В практике семейной медиации нередки случаи, когда в ходе приватных сессий (кокусов) медиатор узнает, в частности, о фактах психологического или физического насилия в семье. В таком случае, непосредственное следование положениям ст. 5 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [1] ставит медиатора перед этической дилеммой: сохранить юридическую чистоту процедуры или нарушить закон ради защиты подвергающегося насилию члена семьи.

Как отмечает Е.Ю. Чефранова [10], семейная медиация не может быть слепой к вопросам безопасности. Согласно положениям ст. 1 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», процедура медиации, согласно ее основным принципам, базируется на добровольности и диспозитивности, то есть, стороны вправе самостоятельно определять условия соглашения. Однако семейное законодательство, наряду с диспозитивными положениями, (ст. 9 СК РФ) [3] содержит и императивные нормы, защищающие слабую сторону. На практике это, означает, что не все споры, вытекающие из семейных правоотношений, медиабельны. Так, нельзя путем медиативного соглашения разрешить, в частности, следующие вопросы:

отказаться от права ребенка на получение алиментов (ст. 60, 101 СК РФ);

ограничить право ребенка на общение с родственниками, если это не противоречит его интересам;

определить порядок проживания ребенка таким образом, который нарушает его право на достойное воспитание.

Следует отметить, что применение методов АРС (медиации, примирительных процедур, коллаборативной практики) в семейном праве базируется на нескольких фундаментальных принци-

пах, к которым относятся:

Конфиденциальность, позволяющая сторонам открыто обсуждать болевые точки без страха публичности.

Ориентация на будущее, а не на ретроспективный анализ вины (что критично при определении порядка общения с ребенком).

Приоритет принципа наилучшего обеспечения интересов ребенка (ст. 65 Семейного кодекса РФ), который в процедуре медиации реализуется через создание «детско-ориентированного» соглашения.

Внедрение в российскую правовую систему института медиации имело целью разгрузить судебную систему, значительную часть нагрузки которой составляют гражданские дела, вытекающие из семейных правоотношений, предложение сторонам таких конфликтов гибкий, внесудебный механизм примирения, поскольку, как уже отмечалось выше, специфика семейно-правовых споров, затрагивающих не только частные, но и публичные интересы, в частности, права и охраняемые законом интересы несовершеннолетних, выявляет наличие уникального сочетания правовых и этических проблем. Судебная практика исходит из того, что медиативное соглашение по семейным спорам не должно ущемлять права несовершеннолетних, однако на практике встречаются случаи, когда медиаторы, не обладающие специфическими познаниями в области семейных правоотношений, могут способствовать заключению соглашений, которые будут приняты и согласованы участниками конфликта, но по своей сути не будут отвечать требованиям закона, разумности, справедливости, вопросам защиты интересов участников соглашения.

К одной из основных процессуальных проблем можно отнести утверждение судом медиативных соглашений, затрагивающих интересы детей (например, соглашений о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно). Согласно п. 3 ст. 24 СК РФ и сложившейся судебной практике, при разрешении споров, связанных с воспитанием детей, суд обязан привлекать к участию орган опеки и попечительства. Противоречие состоит в том, что участники конфликта затрачивают свое время и ресурсы на процедуру медиации, и, возможно, после неоднократных обсуждений, наконец, достигают компромисса, но для придания медиативному соглашению силы исполнительного документа (через нотариальное удостоверение или утверждение судом по ст. 333.6 ГПК РФ) [4] требуется заключение третьего лица – органа опеки, стороной конфликта не являющегося, поэтому, ограниченного в объективной возможности дать оценку проведенной работе и выработанному соглашению- органа опеки. Таким образом, органы опеки,

не участвовавшие в процедуре медиации и не знающие ее всей глубины сложившейся в семье ситуации и ее контекста (поскольку она конфиденциальна), часто дают отрицательные заключения или требуют проведения дополнительных экспертиз, что полностью нивелирует преимущества процедуры медиации (скорость и гибкость).

Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) введен в действие 27 июля 2010 года, став правовой основой развития медиации как правового и общественного института, то есть, альтернативной процедуры урегулирования споров с участием медиатора – независимого посредника. Нельзя не согласиться с точкой зрения Е.С. Дугарон о том, что для полноценного внедрения в жизнь альтернативных процедур урегулирования споров необходима научно-обоснованная концепция развития института медиации, базирующиеся на ней изменения законодательства, и, пожалуй, это самое сложное, преодоление незнания, недоверия либо излишне скептического отношения к процедуре со стороны участников гражданского процесса, юридического сообщества и общества в целом.

Однако, как указывает исследователь, несмотря на то, что предполагалось широкое внедрение процедур медиации в качестве механизмов реализации положений законов Российской Федерации, предусматривающих возможность примирения сторон, практика показывает, что медиация применяется не широко, а скорее эпизодически, что позволяет сделать вывод о том, что широкого внедрения медиации в правовое поле в настоящее время не произошло. [12].

Президиум Верховного Суда РФ 1 апреля 2015 года утвердил Справку о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год (далее – Справка) [5]. Согласно п. 16 указанной справки, по мнению судов, процессуальными препятствиями для более частого и эффективного использования института примирения в гражданском и арбитражном процессе являются короткие сроки рассмотрения дел, небольшие размеры государственной пошлины, уменьшение судами расходов на оплату услуг представителя, отсутствие института обязательной медиации, отсутствие у судей права направлять лиц, участвующих в деле, на обязательное прохождение процедуры медиации, неурегулированность процессуальным законодательством вопроса о течении процессуальных сроков на период прохождения сторонами процедуры медиации.

Вместе с тем судами отмечались следующие

причины низкой популярности примирительных процедур:

- организационные:
 - относительная новизна процедуры медиации;
 - отсутствие медиаторов;
 - отсутствие рекламы на рынке профессиональных медиаторов;
 - отсутствие распространенной практики использования медиации;
 - отсутствие в суде помещений, которые можно было бы предоставлять для проведения примирительных процедур;
 - низкая активность просветительской работы на уровне государственных органов всех уровней и органов местного самоуправления, средств массовой информации, медиаторов;
 - необязательность проведения процедуры медиации до обращения в суд [16]. Кроме того, очередным препятствием к активному внедрению альтернативных способов разрешения судебным споров является отсутствие обязательного досудебного медиативного этапа.
- В отличие от трудовых или корпоративных споров, где законодатель по ряду споров предусматривает обязательный претензионный порядок, в семейном праве (за редким исключением, например, ст. 66 СК РФ в части споров с родственниками) обращение к медиатору является факультативным.
- Анализ доктринальных источников и правоприменительной практики позволяет говорить о целесообразности внесения изменений в ГПК РФ и СК РФ, обязав стороны по спорам, связанным с воспитанием детей (определение места жительства, порядок общения), перед подачей искового заявления пройти обязательную консультацию у профессионального семейного медиатора. Данная стадия не является принуждением к заключению соглашения, но она позволит определить готовность сторон к участию в альтернативных способах разрешения споров, и, возможно, снизить уровень конфликтности;
- экономические:
 - высокая стоимость услуг профессиональных медиаторов;
 - процессуальная пассивность сторон при разрешении гражданских споров, нежелание нести дополнительные финансовые затраты;
 - отсутствие стремления у судебных представителей к примирению сторон, поскольку это существенно снижает размер оплаты их услуг;
 - субъективные (психологические):
 - высокая степень конфликтности отношений в обществе;
 - неосведомленность сторон о медиации;
 - отсутствие навыков и традиций по ведению переговоров [17];

недоверие к медиатору.

Семейное право носит ярко выраженный социальный и императивный характер. Анализ судебной практики по семейным спорам иллюстрирует отсутствие тенденции к заключению, в частности, мировых соглашений по алиментным обязательствам и разделу имущества. Такая ситуация складывается, в частности, и в результате ненадлежащего отношения обязанной стороны к своим обязательствам, утвержденным таким соглашением. Зачастую, лица, обязанные выплачивать алименты, передать имущество, предоставить возможность, игнорируют заключенные мировые соглашения, считая, что «это же не решение суда» и «что-то там подписал с бывшей». Да, соглашение, достигнутое в ходе внесудебной медиации и удостоверенное нотариусом, является исполнительным документом, но на практике стороны по семейным спорам все-таки предпочитают обращаться в суд за утверждением мирового соглашения. Это связано с тем, что судебное утверждение придает договоренностям определенный статус и обеспечивает дополнительный контроль за его исполнением со стороны органа правосудия.

Такое отношение приводит к новым судебным разбирательствам: производствам по получению исполнительных листов, либо к искам о расторжении заключенных ранее мировых соглашений и внесудебная медиация по семейным спорам остается невостребованной из-за отсутствия механизма оперативного принуждения к исполнению неимущественных обязательств;

стремление лица, право которого нарушено, любыми способами привлечь к ответственности нарушителя субъективного права;

неучастие в судебных заседаниях руководителей, которые вправе принимать решения, в том числе и в отношении предмета спора;

восприятие судебного решения как более "ценного" судебного акта по сравнению с определением о прекращении производства по делу;

нежелание брать ответственность за разрешение конфликта на себя;

разрешение спора в судебном порядке является отсрочкой исполнения своих обязательств перед контрагентами для недобросовестных лиц;

низкий уровень правовой культуры [13].

Цифровизация АРС также повышает доступность процедуры, однако требует выработки новых этических стандартов обеспечения конфиденциальности в цифровой среде.

Значительная часть доли гражданско-правовых споров - это споры, вытекающие из семейных правоотношений, в частности, алиментарные споры. По своим правовым характеристикам, в том числе, и с учетом положений ст. 104 Семейного кодекса РФ, алиментарные споры в до-

статочной степени медиабельны, ведь основные вопросы об обоснованности размера требуемых алиментов логичнее, удобнее и эффективнее было бы как раз при участии медиатора. Так, в 2015 году в производстве Перовского районного суда г. Москвы рассматривалось гражданское дело по иску С. к К. об изменении размера задолженности по алиментам, и к УФССП г. Москвы о производстве перерасчета задолженности по алиментам. В обоснование иска указано следующее, что С. и К. состояли в браке до 2008 г., от брака стороны имеют несовершеннолетнего сына, С.Д. 2002 года рождения. Решением мирового судьи в 2008 году с С. в пользу К. были взысканы алименты на содержание сына С.Д. в размере 4,35 минимального размера оплаты труда, что на день вынесения решения составило 10 000 руб. После расторжения брака С. и К. продолжили проживать вместе и сохраняли фактические брачные отношения до середины 2012 года. При этом, до 2012 года семья проживала вместе, имела единый бюджет, С. нес расходы по ее обеспечению, оплачивал коммунальные платежи за квартиру, в которой зарегистрированы ответчица и их несовершеннолетний сын, бывшие супруги вместе ездили отдыхать. Окончательный распад семьи состоялся в июле 2012 года, выехав с жилой площади С., ответчица оставила сына проживать с отцом, и С., еще год проживал с отцом, после чего, совместным решением родителей был определен в Суворовское училище на полное государственное обеспечение. Несмотря на вышеизложенное, в марте 2014 года, К. предъявила в службу судебных приставов исполнительный лист на взыскание со С. Д.И. алиментов на содержание несовершеннолетнего сына, за период с марта 2011 года, таким образом, судебный пристав-исполнитель определил наличие задолженности за указанный период времени в размере 519673 руб. 65 коп. С указанным размером задолженности не согласен заявитель. В ходе судебного разбирательства указанные истцом доводы нашли свое подтверждение. Сложно не согласиться с выводом о том, что при своевременной обращении за медиацией данный конфликт мог бы быть разрешен во внесудебном порядке.

К 2026 году в правоприменительной практике сформировался устойчивый запрос на дифференциацию медиации. В последние годы в юридическом сообществе активно обсуждается и частично внедряется на уровне пилотных проектов при судах концепция специализированной семейной медиации. Так, например, если классический медиатор выступает нейтральным фасилитатором, то семейный медиатор (обладающий базовыми знаниями в области детской психологии) помогает сторонам сфокусироваться непосредственно на потребностях ребенка, минимизируя

влияние на существо спора межличностных отношений родителей. Так, как установлено в ходе судебного заседания по рассмотренному Перовским судом г. Москвы гражданскому делу № 2-2354/2015 по иску об определении порядка общения с четырехлетней дочерью, истец, отец ребенка, запрещал ответчице-матери девочке, пользоваться любым имуществом, приобретенным до брака. К такому «добрачному имуществу» относились, например, плита и стиральная машина. Видя, что бывшая супруга наливает себе суп из кастрюли, где варился суп для дочери, отец ребенка при дочери плевал бывшей жене в тарелку. Видя, что помимо дочкиных вещей, в стиральной машине находится, например, футболка бывшей супруги, он останавливал стирку, доставал футболку и кидал ее в унитаз. В результате таких остро конфликтных отношений, ответчица была вынуждена готовить себе на портативной плите в своей комнате. В свою очередь, она не просто ограничивала право бывшего супруга на общение с дочерью, а игнорировала любые вопросы и обращения, касающиеся ребенка - будь то болезнь девочки или возможность ее поездки с отцом в отпуск или на выходные к бабушке и дедушке.

В другом споре, также рассмотренном Перовским районным судом г. Москвы, ответчица по делу № 2-3654/17 об определении порядка общения отца с дочерьми 15 и 8 лет, демонстрировала в судебном заседании кружевные трусы 15-летней дочери в подтверждение своих доводов о ненадлежащем отношении отца к ребенку. В связи с этим альтернативные методы разрешения споров (АРС) приобретают статус процессуальной альтернативы традиционному судебному разбирательству и призваны оказать конструктивное влияние на общение бывших супругов по наиболее болезненным и сложным для них вопросам.

Одной из эффективных тенденций разрешения конфликтов, вытекающих из семейных правоотношений, стало развитие коллаборативной практики (совместного права), в ходе которых участники спора и их представители заключают «участие в совместном праве». К процессу разрешения спорных вопросов привлекаются нейтральные эксперты (детские психологи, финансовые консультанты). Данный метод показывает высокую эффективность, например, при разделе имущества и определении места жительства детей, снижая уровень конфликтности. Однако, несмотря на позитивную динамику, институт альтернативного разрешения споров в семейном праве сталкивается с рядом системных проблем:

Во-первых, проблема дисбаланса сил и домашнего насилия. Это наиболее острый аспект. Применение АРС предполагает равенство сторон и свободу волеизъявления. Однако в условиях скрытого или явного экономического, психологи-

ческого или физического насилия в семье жертва не способна адекватно отстаивать свои интересы и интересы детей. На сегодняшний день в российском законодательстве отсутствует прямой императивный запрет на применение процедуры медиации в случаях, отягощенных домашним насилием;

Во-вторых, проблема исполнимости медиативных соглашений. Соглашение, достигнутое в ходе медиации, может быть нотариально удостоверено и приобретать силу исполнительного листа (ст. 101.1 ГПК РФ). Однако на практике нотариусы часто отказывают в удостоверении медиативных соглашений по спорам о детях, ссылаясь на то, что условия общения с ребенком не могут быть жестко детерминированы (например, «отец забирает ребенка по мере его желания»), так как это противоречит требованию об определенности условий сделки [15]. Требуется разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, устанавливающее границы диспозитивности родителей при нотариальном удостоверении таких соглашений.

В-третьих, низкий уровень правовой культуры и информированности. Граждане по-прежнему рассматривают суд как единственную инстанцию, способную «восстановить справедливость». Государственная поддержка АРС (в том числе через институт бесплатной юридической помощи) развита недостаточно, что делает услуги профессиональных семейных медиаторов недоступными для социально уязвимых слоев населения.

Специфика семейных споров (смешение имущественных и личных неимущественных прав, высокая эмоциональная насыщенность, наличие субъекта, не являющегося стороной спора, но чьи права затрагиваются — ребенка) обусловила формирование ряда современных тенденций, к числу которых можно отнести:

все большее вовлечение медиации в разрешение не только имущественных, а и личных, неимущественных споров. Если в 2010-х годах медиация применялась преимущественно для разрешения семейных споров, связанных с разделом имущества, то к 2026 году с помощью медиации разрешаются споры, связанные и с определением места жительства детей, и порядком осуществления родительских прав и с порядком уплаты алиментов;

цифровизация примирительных процедур [14]. Развитие платформ для онлайн-медиации позволяет снизить географические и психологические препятствия, что, зачастую, критически важно для сторон, проживающих в разных регионах или испытывающих стресс от очного контакта;

развитие института «сотрудничающего права» (collaborative law). В российскую семейно-пра-

вовую практику постепенно внедряется модель, при которой стороны заключают соглашение об отказе от обращения в суд на время переговоров, а к процессу разрешения противоречий в случае необходимости, привлекаются независимые эксперты (детские психологи, финансовые консультанты).

Несмотря на позитивную динамику, внедрение APC в семейное право сталкивается с рядом системных проблем:

во-первых, это проблема соотношения свободы договора и императивной защиты слабой стороны.

Статья 153.2 ГПК РФ обязывает судью разъяснять сторонам право на примирение, а ст. 66 СК РФ прямо указывает, что родители могут урегулировать порядок общения с ребенком посредством заключения соглашения (в том числе медиативного).

Анализ судебной практики (на основе обзоров Верховного Суда РФ и данных Судебного департамента) показывает устойчивый тренд: суды все чаще утверждают медиативные соглашения по спорам о порядке общения с детьми и определении места их жительства. Вместе с тем, Постановление Пленума ВС РФ от 11.11.2015 № 1 (в ред. 2023 г.) ориентирует нижестоящие суды на активное содействие примирению [6]. В то же время, суды отказывают в утверждении мировых соглашений, условия которых содержат отказ от взыскания алиментов в обмен на передачу каких-либо иных прав несмотря на то, что взыскание алиментов является правом, а не обязанностью, и предлагаемая альтернатива полностью удовлетворяет интересы обеих сторон спора и, в соответствующих случаях, не нарушает прав несовершеннолетних членов семьи. В результате, отсутствие уверенности в том, что суд утвердит достигнутое в процессе медиации мировое соглашение, также снижает мотивацию к участию в альтернативных способах разрешения семейных споров.

Необходимо создание единого реестра семейных медиаторов, которые, помимо базовой квалификации медиатора, будут иметь подтвержденную квалификацию в области детской психологии и психологии семейных отношений. В целях совершенствования механизма утверждения мировых соглашений по исследуемой категории споров, необходимы разъяснения, содержащие методы и критерии оценки судом мировых соглашений по семейным спорам, а также, порядок контроля их исполнения.

На сегодняшний день в РФ отсутствует единый стандарт и реестр медиаторов, специализирующихся именно на семейных спорах и ювенальных технологиях. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 года № 996-р утверждена Стратегия развития

воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [7]. Приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей Стратегия называет развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины. Правовые механизмы реализации Стратегии включают среди прочих развитие инструментов медиации для разрешения потенциальных конфликтов в детской среде и в рамках образовательного процесса, а также при осуществлении деятельности других организаций, работающих с детьми.

Отдельное место среди конфликтов, вытекающих из правоотношений, с участием несовершеннолетних, занимает так называемая «школьная медиация», обусловленная ростом количества межличностных конфликтов в образовательной среде, проявлений буллинга и кибербуллинга, а также увеличением числа правонарушений среди несовершеннолетних. Традиционные дисциплинарные и карательные меры не обладают превентивным эффектом и часто усугубляют латентность конфликтов. В связи с этим институт школьной медиации, базирующийся на идеях восстановительного правосудия приобретает особое социально-правовое значение. Однако его развитие в России сталкивается с рядом доктринальных и нормативных проблем.

Основой альтернативного урегулирования споров в РФ является Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Однако, как справедливо отмечает В.В. Шамликашвили, применение императивных норм данного закона к школьным конфликтам является методологически неверным [11], поскольку Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» ориентирован на гражданско-правовые, трудовые и семейные споры, где медиатор — это независимое профессиональное лицо, а соглашение сторон имеет силу гражданско-правовой сделки.

Школьная медиация носит преимущественно восстановительный, педагогический и профилактический характер. Ее субъектами часто выступают сами обучающиеся (программы «равный – равному») или педагоги, не обладающие статусом профессионального медиатора из реестра Минюста РФ. Базовым документом, регулирующим эту сферу, выступает не закон, а подзаконные акты и концепции, в частности, Концепция развития сети служб школьной медиации в Рос-

сийской Федерации, а также Методические рекомендации Минпросвещения России по организации служб медиации [7]. В соответствии со ст. 28 и ст. 34 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [2], образовательная организация обязана создавать безопасные условия обучения и защищать права обучающихся, что косвенно легитимирует создание школьных служб примирения. Кроме того, ст. 23 Федерального закона от 24.06.1999 № 120-ФЗ [3] возлагает на комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП) обязанность применять технологии восстановительного правосудия, что формирует межведомческий запрос на школьную медиацию.

Анализ правоприменительной практики и научных источников позволяет выделить три ключевые проблемы развития школьной медиации в РФ:

1. Правовая неопределенность статуса школьного медиатора и медиативного соглашения.

Поскольку школьные конфликты (особенно с участием детей до 14 лет) не всегда подпадают под предметное регулирование Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», медиативное соглашение, достигнутое в школе, не обладает юридической силой исполнительного документа. Оно носит морально-этический и воспитательный характер. Отсутствие законодательного закрепления понятия «школьный медиатор» и «ведущий восстановительных программ» создает риски нарушения конфиденциальности: педагог-медиатор может быть допрошен в суде или привлечен к дисциплинарной ответственности за несообщение о правонарушении (ст. 16 ФЗ № 120-ФЗ), что разрушает базовый принцип медиации — конфиденциальность.

2. Проблема конфликта интересов и независимости.

В школьной среде сложно обеспечить принцип нейтральности. Если медиатором выступает учитель, он обладает властными полномочиями по отношению к ученику, что может подавлять волю несовершеннолетнего. Если медиатором выступает обученный ученик (равный медиатор), возникает проблема эмоциональной вовлеченности и отсутствия юридической ответственности за разглашение сведений.

3. Отсутствие системного финансирования и кадрового дефицита.

Деятельность служб школьной медиации носит очаговый характер и часто держится на энтузиазме отдельных педагогов-психологов. В Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) отсутствует прямая норма,

обязывающая или наделяющая правом образовательные организации внедрять восстановительные технологии, что не позволяет включать расходы на обучение медиаторов и супервизию в базовое финансирование школ.

В целях повышения доверия альтернативным способам разрешения семейных споров, необходимо разработать и внедрить механизм государственного финансирования (или софинансирования) услуг семейного медиатора для социально незащищенных слоев населения в спорах, затрагивающих интересы детей и женщин, особенно в подтвержденных случаях домашнего насилия в семье.

Разработать и утвердить на федеральном уровне Профессиональный стандарт «Семейный медиатор», включающий требования по детской психологии и навыкам скрининга домашнего насилия.

Альтернативные методы разрешения семейно-правовых споров являются полноценным средством защиты нарушенных семейных прав. Однако тотальное копирование коммерческих моделей медиации на семейные отношения не представляется возможным, поскольку семейный конфликт требует особого подхода, где основной задачей является разрешение не только и не столько имущественных споров, но психологическое восстановление и защита наиболее уязвимых участников таких правоотношений. В отличие от коммерческих споров, где стороны после разрешения конфликта, как правило, прекращают взаимодействие, участники семейного спора (разводящиеся супруги, имеющие общих детей) вынуждены поддерживать коммуникацию в течение многих лет.

Именно эта необходимость длительных будущих отношений диктует необходимость смещения фокуса с защиты строгих юридических прав (позиционный торг) на удовлетворение скрытых потребностей и интересов (интерес-ориентированный подход). Принципы APC в семейном праве выступают не просто процессуальными правилами, а этическим и психологическим каркасом, позволяющим сохранить конструктивный диалог.

На основании проведенного исследования, предлагается внести следующие изменения в действующее законодательство и правоприменительную практику:

модифицировать нормы семейного и гражданского процессуального законодательства, предусмотрев обязательный досудебный этап урегулирования конфликтов по определенным категориям семейных дел, затрагивающим интересы, в том числе, несовершеннолетних (взыскание алиментных обязательств, определение территории проживания ребенка, регламентация порядка общения с ним). Законодательно закрепить

обязанность сторон пройти краткую информационную сессию у судебного примирителя или аккредитованного медиатора до принятия искового заявления к производству по определенным категориям споров (определение места жительства ребенка, порядок общения). Императивным исключением из данного правила должны стать конфликты, отягощенные фактами семейно-бытовой агрессии;

инициировать разработку стандарта требований к семейным медиаторам, фундаментальным критерием допуска к такой деятельности должно признаваться наличие базового высшего образования (по юридическому либо психологическому профилю) в совокупности с обязательной углубленной переподготовкой в сферах возрастной (детской) психологии и теории конфликтов. Семейный медиатор должен иметь базовые знания не только в праве и психологии переговоров, но и в детской психологии развития и финансовом планировании (для раздела активов). Узкая специализация повысит качество соглашений;

разработать упрощенный механизм «регистрации» медиативного соглашения в реестре при суде или нотариате с автоматическим наделением его силой исполнительного листа, при условии соблюдения императивных норм закона (не ущемление прав ребенка), что снизит издержки.

в определенной степени интегрировать сервисы профессионального медиативного сопровождения в систему государственного обеспечения бесплатной юридической поддержки, в первую очередь, для социально уязвимых слоев населения;

в семейных конфликтах нередко случаи, когда интересы ребенка часто подменяются амбициями родителей. Предлагается разработать рекомендации по участию «детского консультанта» (специально обученного психолога) в процедуре медиации.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (в ред. Федеральных законов от 02.07.2013 № 185-ФЗ, от 23.07.2013 № 233-ФЗ, от 26.07.2019 № 197-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31.

[2] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

[3] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 15.05.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.

[4] Гражданский процессуальный кодекс

Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.

[5] Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год : утверждена Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 1 апреля 2015 года.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 ноября 2015 г. № 1 (в ред. Постановления Пленума ВС РФ от 26.12.2023 № 59).

[7] «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р)».

[8] Методические рекомендации по организации деятельности служб медиации и примирения / Минпросвещения России. — Письмо от 11.04.2025 № 07-1660.

[9] Курс гражданского процесса [Текст] / Т. В. Сахнова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Статут, 2014. — 782, с. — ISBN 978-5-8354-1046-0.

[10] Чефранова Е. Ю. Семейное право : учебник / Е. Ю. Чефранова. — Москва: Проспект, 2011. — 480 с.

[11] Шамликашвили В.В. Восстановительное правосудие: идеи, ценности, практики. — М.: Институт права и публичной политики, 2021. — 312 с.

[12] Дугарон Е. С. Правовое регулирование и практика медиации в России / Е. С. Дугарон // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2015. — № 2. — С. 45–62.

[13] Арутюнова Г. З. Правовые основы построения судебной системы Российской Федерации на современном этапе // Постулат. — 2017. — № 1 (15). — С. 97–101.

[14] Файрузова, Ю. М. (2015). Дети после развода родителей: проблемы правового статуса. In Бакалавр (pp. 65–67). Коллоквиум.

[15] Захарова, А. А. Налоговая медиация: проблемы и перспективы развития / А. А. Захарова // Вестник науки. — 2022. — № 8 (53), т. 2. — С. 26–31. — ISSN 2712-8849.

[16] Сидельников П. А. Понятие и значение процедуры медиации как альтернативной формы урегулирования споров // Вестник науки. 2024. № 6 (75). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-znachenie-protsedury-mediatsii-kak-alternativnoy-formy-uregulirovaniya-sporov> (дата обращения: 29.08.2026).

[17] Кошкин, А. П. Разрешение конфликтов в сфере интеллектуальной собственности с использованием процедуры медиации / А. П. Кошкин, Ю. А. Давыдова, Т. Н. Евсеева // ЦИТИСЭ. — 2019. — № 2 (19). — С. 9. —

References:

- [1] Federal Law No. 193-FZ, dated 27 July 2010, "On Alternative Mediator Dispute Settlement Procedure (Mediation Procedure)" (as amended by Federal Laws No. 185-FZ, dated 2 July 2013, No. 233-FZ, dated 23 July 2013, No. 197-FZ, dated 26 July 2019). — 2010. — № 31.
- [2] Federal Law of 29.12.2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. № 53. Art. 7598.
- [3] Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on 23.03.2026, as amended on 15.05.2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1996. — № 1. - Art. 16.
- [4] Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002 (as amended by 28.06.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 46. - Art. 4532.
- [5] Certificate of Application by the Courts of Federal Law No. 193-FZ of July 27, 2010 "On an Alternative Dispute Settlement Procedure with the Participation of an Intermediary (Mediation Procedure)" for the period from 2013 to 2014: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 1, 2015.
- [6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 11, 2015 No. 1 (as amended by Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation of 26.12.2023 No. 59).
- [7] "Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by order of the Government of the Russian Federation of May 29, 2015 No. 996-r)".
- [8] Guidelines for organizing the activities of mediation and reconciliation services/Ministry of Education of Russia. - Letter No. 07-1660 dated 11.04.2025.
- [9] Civil procedure course [Text] / T. V. Sakhnov. - 2nd ed., Revised and add. - Moscow: Statute, 2014. - 782, p. - ISBN 978-5-8354-1046-0.
- [10] Cefranova E. Yu. Family law: textbook/ E. Yu. Cefranova. - Moscow: Prospect, 2011. - 480 s.
- [11] Shamlikashvili V.V. Restorative justice: ideas, values, practices. - M.: Institute of Law and Public Policy, 2021. - 312 s.
- [12] Dugaron E. S. Legal regulation and practice of mediation in Russia/E. S. Dugaron // Law. Journal of the Higher School of Economics. — 2015. — № 2. - S. 45-62.
- [13] Harutyunova G.Z. Legal foundations of building the judicial system of the Russian Federation at the present stage // Postulate. — 2017. — № 1 (15). - S. 97-101.
- [14] Fayruzova Yu. M. (2015). Children after the divorce of their parents: problems of legal status. In Bachelor (pp. 65–67). Colloquium.
- [15] Zakharova, A. A. Tax mediation: problems and development prospects/A. A. Zakharova // Bulletin of Science. — 2022. - No. 8 (53), vol. 2. - S. 26-31. — ISSN 2712-8849.
- [16] Sidelnikov P. A. The concept and significance of the mediation procedure as an alternative form of dispute settlement // Bulletin of Science. 2024. № 6 (75). URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-znachenie-protsedury-mediatsii-kak-alternativnoy-formy-uregulirovaniya-sporov_\(data_obrasheniya:_29.08.2026\)](https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-znachenie-protsedury-mediatsii-kak-alternativnoy-formy-uregulirovaniya-sporov_(data_obrasheniya:_29.08.2026)).
- [17] Koshkin, A.P. Resolution of conflicts in the field of intellectual property using the mediation procedure/A.P. Koshkin, Yu. A. Davydova, T. N. Evseeva // CITISE. — 2019. — № 2 (19). - S. 9. — URL: elibrary.ru.